

О частных уроках и уездных городах

В уездных городах частные уроки (кондиции) бывают у купцов и дворян. Состоя учителем при уездном училище, я у тех и других занимал кондицию и наблюдал за взглядом этих сословий на учебное дело домашнее. с. 33

Надобно сказать вообще, что кондиции для учителя суть дела великой необходимости и даже крайности, вызываемой недостаточностью получаемого жалованья. Тот счастливый человек, который может обойтись без кондиции. Должность учительская вставлена в известные рамки, подведена под определённые правила: будь исправен по этим правилам — будешь и хорош. Кондиции — дело условное; тут не только надобно быть исправным в обучении, — надобно ещё угодить характеру хозяина, который нанимает учителя, и его семейству. В училище, если будет исправен учитель — и смотрителю трудно столкнуть его с места, как бы он зол ни был на учителя. На кондициях, без всяких объяснений, могут прямо сказать учителю: «больше вы нам не надобны». В училище учителя не винят за малоуспешность, если ученик ленив и бестолков: на кондициях этого не берут в расчёт; «учит, ерго должен выучить, безуспешности не должно быть, какого бы дурака ни удалось учить». У купцов таких спросов бывает гораздо меньше, нежели у помещиков. Зато у первых весьма тяжёл взгляд на науку вообще.

Из многих купеческих кондиций мне живо представляется одна. Купца звали Петром Михайлычем. В семействе у него состояли два сына и две дочери-невесты. Об образовании дочерей Пётр Михайлыч не заботился: «Им надобно готовить денег больше да рядить лучше — вот и всё их образование», — говорил он. О сыновьях же заботился и говорил: «Что это за мальчишко, когда не будет знать прочесть и записать в лавке? Его обдует всякий, ему нельзя и поверить ничего». Двоих-то детей Петра Михайлыча мне и предложено было учить. Кондицию эту выхлопотал мне мой товарищ, учитель, пользовавшийся по городу доброй репутациею и считавшийся хорошим учителем. Дело было слажено за 5 р. серебром в месяц, а учить 5 дней в неделю, по три часа в день, и пить у них вечерний чай. По бедности своей, признаться, я рад был этой кондиции. Дело было слажено, например, ныне поутру, чтоб завтра же приняться за ученье. Вечером того же дня просят меня к Петру Михайлычу. Думаю себе, зачем бы это? Не переторговываться ли? Являюсь. «Позабыл, батюшка, давеча спросить вас, что вы, холостые или женатые?» Холостой. «Ну, так мне холостых учителей не надобно, у меня дочери невесты — тут пойдёт по городу столько толков, что и не оберёшься!» Я ручаюсь за своё поведение, я не так воспитан, чтобы допустить себе какую глупость; мне доброе мнение нужно, я ещё человек внове. «Всё-таки, батюшко, холостых мне не надобно; чужая душа потёмки!» — Потёмки — душа и у женатых! — «Как это можно: женатые люди обнатуренные уже, они всегда степеннее холостых». Тут вышла жена его, женщина, как видно было, очень неглупая. Она принялась уговаривать своего мужа. «Я большой в доме! — вопиял супруг, — значит, распоряжаюсь, как хочу». Нечего было делать, поклон да и вон. От купца я зашёл к товарищу, который сосватал кондицию. Тот обещался уговорить его во что бы то ни стало. Действительно, на другой день присылают за мной, чтобы я шёл учить. «Соглашаюсь и вас принять в учителя, слышал отзывы об вас всё хорошие!» Так встретил меня Пётр Михайлыч. Мальчики первую грамоту уже смыслили; нужно было учить их писать, арифметике и закону Божию. Один из них был с очень хорошими способностями. В четыре месяца прошёл я с ними всю первую часть арифметики, краткий катехизис и краткую священную историю, писали очень порядочно. За уроками следить было некому; наблюдали только за тем, чтобы я не упустил классов. После этих 4 месяцев я говорю Петру Михайлычу, что-де с детьми надобно идти с. 35

* Свирелин, А. И. О частных уроках и уездных городах / А. И. Свирелин // *Русский педагогический вестник*. — 1861. — № 5. — С. 33—38.

дальше, что надобно-де им поучиться географии и русской истории. «Куда ещё? — говорил он, — писать и читать умеют, на что ещё им больше? Учёные только скорее проматывают нажитые нами капиталы — будет, будет!» Жена его опять с убеждениями; Пётр Михайлович не двигался и устоял в своём. Кондиция тем и кончилась. Грешный человек, пожалел я, что выучил детей его так скоро. Таких личностей в купечестве, как Пётр Михайлович, очень много. От этих-то чёрствых натур замедляются меры правительства в образовании народном. Как, например, тупо идёт у нас образование женских училищ по городам? Как иногда целое общество городское не стыдится давать начальнику губернии отзвывы, что им образование для девиц не нужно? С каким небрежением отдают они детей своих в училища, которые содержатся на счёт правительства! С какою неохотою несут они свои малые жертвы для народного образования, тогда как на ярмарках, в трактирах тратят иногда тысячи! Слова нет, что и из купцов есть светлые натуры, которые вполне сочувствуют делу образования, те всегда и от всех заслуживают благодарность. Но много ли таких? Можно сказать, как капля в океане. Между тем купеческое сословие есть первое в уездных городах; в их карманах заключено всё городское богатство; без их участия могут расстроиться в городе самые добрые предприятия. Чем же пробудить их к образованию? Назиданий, увещаний, как показывает опыт, они не слушают, и не расстаются с своими убеждениями. Следовательно, и средства должны быть употреблены для них сильные. Вот одно из них. Купцы разделяются на гильдии, 1-ю, 2-ю и 3-ю. Гильдии эти покупаются теперь деньгами, нельзя ли подвести право гильдейское под степень образования, то есть чтобы купцы приобретали это право не деньгами, а образованием. Окончивший, например, курс в таком-то учебном заведении и так-то пользуется правами 1-й гильдии; в таком-то и так-то — 2 гильдии; в таком и так-то — 3 гильдии. Права потомственных и личных почётных граждан пусть приобретаются особенным экзаменом, или каким-нибудь особенным открытием, которое бы имело ход и влияние на успех торговли, это будет вроде диссертаций для получения степени доктора (или магистра). Специалисты могут обсудить этот предмет со возможных сторон. Мы только указали на эту меру и думаем, что эта мера заставила бы купцов посмотреть на образование совершенно с другой точки зрения.

с. 36

У помещиков в уездных городах учитель требуется только в крайних случаях, например, когда нужно сына отдать в учебное заведение, или когда сын, учащийся, например, в гимназии, не выдержит экзамена в другой, высший класс, и нужно приготовить его к вторичному экзамену. Исключая этих случаев, всё воспитание домашнее отдаётся гувернанткам. Без гувернантки обойтись нельзя, и тот дом не дом, где нет её. Ей платятся хорошие деньги (разумеется сравнительно с учителем), от 150—300 р. серебром, на всём готовом содержании. И для чего, посмотришь, в сущности идёт такая сумма денежная? Только для того, чтобы говорить по-французски и немецки, именно *говорить* только, а не знать. Гувернантки уездные, сколько мне ни приходилось их знать, основательно учить не могут ни одному предмету. Это один внешний лоск, паркет, одна видимая красота в доме, без духа и жизни. В гувернантки уездного города идёт всякая воспитанница воспитательного дома, каждая пансионерка, какого угодно вероисповедания. «Чему у вас учит гувернантка?» — спросил я однажды знакомую барыню. — Всему. — «И закону Божию?» — Да. — «Ведь она лютеранка, как же может учить православия?» — Она учит по книге нашей (то есть православной), — сказала преравнодушно барыня. «Хорошо ли?» — Кажется, прекрасно! — А все гувернантки в большей чести, нежели учителя уездного училища. Отчего? Оттого, что могут говорить на иностранных языках, могут тому выучить и детей, значит, и сами люди современные, делают современными и детей. Самые лучшие годы детские отдаются в жертву бессмысленному, мёртвому обучению! Из-за проноса иностранного языка насилуются юные способности! Это жестоко, это не любовью родительскою отзывается, как угодно! Я всё беру с опыта. Предложили мне у одного помещика учить сына, чтобы приготовить его в одно высшее заведение. Программу подали огромную; надобно было учить латинскому языку, всеобщей истории, русскому языку, географии, арифметике и прочему, а для подготовки оставалось только 8 месяцев. «Подготовлен ли ваш сын сколько-нибудь?» — спрашиваю я.

— Как же! Три года уже учит его постоянно гувернантка.

с. 37

Сторговались за 7 р. серебром в месяц, учить 5 дней по 3 часа в день. Хорошо-с. Делаю пробу из русского языка, заставляю делать этимологический разбор, — мой Риегге, что называется, ни в зуб толкнуть, не знает, как и взяться за это дело. «Я этому не учился», — отвечает сконфуженный мальчик. Чему же вы учились? «Склонять да спрягать, да читать из грамматики». Делаю пробу из арифметики, та же история. Риегге не мог даже правильно писать нумерацию. «Сын ваше, — говорю, — очень слабо подготовлен». «Стало быть, барыня отвечала

мне, и вы не надеетесь на успех, в таком случае мы найдём другого учителя». Бедность моя заставила меня, ничего не видя, обещать им успех, кондиция эта была самая трудная из всех. Три часа надобно было работать без перемены. Потачки не было. «Нанялся так продан!» Меня заставили учить все святки, и масленицу, как для того, чтобы дать больше времени приготовить их сына, а ещё более для того, чтобы не дать даром за месяц жалованья. Когда приходил я на уроки и уходил с них, заботливая маменька всегда спрашивала сына: «Pierge! quelle heure est-il?» Этим давалось мне знать, в назначенное ли время прихожу я, все ли часы высидел. И успех, впрочем, был добрый. Pierge выдержал экзамен очень хорошо, и был принят в заведение, только уж и под глазами у него засинелось порядочно, и эти 8 месяцев едва ли не сократят жизнь его лет на пять. За последний месяц не отдавали мне жалованья до тех пор, пока сын их не выдержал экзамена, думая, вероятно, удержать эти деньги у себя в случае неуспеха. Вообще надобно сказать, взгляд помещиков на уездных учителей очень печальный. Все они влюблены в гувернанток и волочатся за ними из-под руки, втихомолку от жены, на них тратят деньги, для них не жалеют ничего; а на учителей скупы ни на что не похоже. А желаемого добра, повторим опять, гувернантки не приносят, учить основательно они не могут ни одному предмету. Они могут быть употреблены для первоначального обучения чтению и письму, и как надзирательницы за нравственностью малых детей. Но будучи иногда сами безнравственны, как они могут смотреть за нравственностью детей. Детей, учившихся у гувернантки, можно узнать с первого раза: они не сметливы, боязливы, уклончивы, как бы ни спросил их кто о чём; не уверены хорошо даже в том, что учили, потому что знание досталось им не зрелым обсуждением, не толкованием, а памятью; если они знают что, то знают потому, что это написано в книге. Великое дело преподавать какой-нибудь предмет! Надобно, во-первых, самому знать его как свои пять пальцев, во-вторых, следить постоянно за современною литературою и знать, что пишется в области этого предмета. Где же гувернантке успеть в этом? Она отделяется только тем знанием, с каким она вышла из заведения, а неудовлетворительность женских учебных заведений постоянно проповедуется в литературе, неудовлетворительны эти заведения и в самом деле, это большею частию заведения, дающие обществу существа, подобные тепличным растениям. Следить за литературою ей не под силу, ей нравятся из неё только повести да романы. А почему бы гг. помещикам сообща не завести в городе благородного пансиона для своих детей! Для иностранных языков можно бы нанять опытного студента университета, а для других предметов двоих учителей, пользующихся известностью по преподаванию. Нынешние учителя, выдержавшие экзамен в университете, могут быть рекомендованы как полезные учителя. Это было бы гораздо выгоднее для них же самих, да и полезнее для детей. Тогда бы даром время дорогое не пропало. Так нет, ведь ни за что не заведут! А отчего? От очень простой причины — самолюбия: я-де сам один могу нанять учителя, своих-де детей не пушу учиться с детьми такого-то.